

© 2019 г.

В.Л. ШУЛЬЦ, Т.М. ЛЮБИМОВА

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В НЕОМАРКСИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ШУЛЬЦ Владимир Леопольдович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (cona01@yandex.ru); ЛЮБИМОВА Татьяна Михайловна – доктор философских наук, кандидат филологических наук (t.ljubimova@yandex.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. В статье ставится вопрос о том, насколько выводы марксистского учения применимы при анализе событий современной социальной жизни, в частности, протестного движения «желтые жилеты» во Франции. Сопоставляются предвыборные программы Э. Макрона и социалистической партии в ходе последних президентских выборов во Франции; раскрывается понимание труда как явления факультативного и избыточного в общественной жизни и другие сенсационные новации в программе французских социалистов. Победа на выборах президента Франции Э. Макрона осмысливается как победа имиджа над программой; современный французский протест сопоставляется с событиями мая 1968 г. и автономным ультралевым анархическим течением 2008 г. Марксистская формула прибавочной стоимости перерабатывается для постиндустриальной эпохи; намечаются новые моменты в осмыслении исторического опыта реализации на практике идей К. Маркса; обосновывается возможность новой «коммунистической утопии» на основе плановой экономики в условиях использования преимуществ алгоритмического общества.

Ключевые слова: марксизм • прибавочная стоимость • социальный протест • алгоритмическое общество • рыночная экономика • плановая экономика • неолиберализм • ноосфера • пределы роста • общество потребления • общество изобилия

DOI: 10.31857/S013216250007108-1

Одним из «моментов-монументов» марксистского учения является, как известно, мысль о повторном явлении исторических событий: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [Маркс, 1957: 119]. В этой связи может возникнуть дерзкое подозрение: не стало ли «комедийным» второе пришествие самого К. Маркса (самого издаваемого в мире автора еще в 1980-е гг.), связанное с новой жизнью его идей в интерпретации нескольких поколений неомарксистов (Д. Лукач, А. Грамши; М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе; Л. Альтюссер, П. Бурдьё, А. Турен; Э. Гидденс, Т.Б. Боттомор, С. Холл и др.), а также с оживленными дискуссиями о значимости его наследия в год 200-летнего юбилея со дня рождения и с недавним ре-нессансом его идей в сенсационной книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке»?

Видимо, судьба этого учения так и не станет комической и уже перестает быть трагической, как это было в эпоху крушения первого опыта построения социалистического государства; марксизм остается монументальной инсценировкой всемирно-исторического развития.

В статье «Карл Маркс: двести лет молодости?» В.А. Красильщиков замечает, что заголовок статьи был навеян фразой, которую он прочитал в одной эквадорской газете, опубликовавшей памятный материал по случаю смерти Г. Гарсия Маркеса «Ему было всего 87 лет молодости» [Красильщиков, 2018: 3]. В параллель этой символической ремарке, обыгрывающей название публикации, которое само является скрытой интертекстуальностью из Маркеса («Сто лет одиночества»), возникает другая реминисценция. В год 80-летия выдающегося французского писателя, поэта, общественного деятеля Луи Арагона известный греческий поэт Яннис Рицос посвятил ему такие строки:

*Неужели тебе только восемьдесят?
Тебе, прожившему и сотворившему вечность?*

Это «сотворение вечности», адресованное классику литературы, творческий путь которого насчитывает шесть десятилетий, исподволь распространяется и на классическое наследие К. Маркса, ибо Л. Арагон, написавший роман «Коммунисты» и открывший во французской литературе тему «партии расстрелянных», до последних лет жизни был членом ЦК Коммунистической партии Франции и, пережив горькую правду десталинизации, признавался, что если и выйдет когда-нибудь из компартии, то только через самоубийство. Этот апостольский путь во имя идей одного из величайших создателей воинствующего материализма и атеизма был характерен для многих глубоких мыслителей XX в.

Насколько же «вечные истины» марксизма приложимы к современным событиям социальной жизни, насколько они годятся в роли «универсальной отмычки», взламывающей закрытые зоны постмодерна? Рассмотрим этот процесс на примере современного протестного движения во Франции. Остановимся на этой стране хотя бы потому, что она в ходе исторического развития завоевала репутацию своеобразной страны-лаборатории, где испытывались новые формы государственного устройства, высказывались новые идеи, намечались новые пути: «Средоточие феодализма в Средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времен Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна» [Энгельс, 1961: 259].

Эта мысль Ф. Энгельса высказана в предисловии к работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в которой К. Маркс упоминает имя А. Марраста, возглавлявшего одну из группировок буржуазных республиканцев последних лет Июльской монархии, – враждебного пролетариату «республиканца в желтых (лайковых) перчатках» («этого *républicain en gants jaunes*, переодетого в костюм старого Байи...») [Маркс, 1957: 121]). В современной Франции «желтые перчатки» буржуазного республиканизма сменились на улицах французских городов «желтыми жилетами» нового социального протеста (по замыслу протестующих, светоотражающая желтая ткань должна помочь идентифицировать участников движения). Как и «желтые дожди» К.М. Симонова, «желтые жилеты» явно «наводят грусть» на высший класс французского общества: по словам известного французского тележурналиста Ж.-М. Афаси, это движение «угрожает нации», это никогда ранее не встречавшаяся форма политической безответственности.

Социальное волнение во Франции, вспыхнувшее в 2018 г., было некоей запоздалой реакцией разочарования в результатах президентских выборов 2017 г. Впервые высший государственный пост Франции занял совсем не выдвиженец от одной из двух партий большинства (Социалистической партии Франции или правой партии деголлевского духа, сменившей несколько названий и ныне именующей себя «Л. Р.»¹), – которые в монотонном челночном движении выборов/перевыборов сблизились настолько, что превратились в «две бакалейные лавки, получающие товар от одного поставщика», по словам Ф. Сегена, в «два утюга на огне», которые всегда держит всемирная олигархия, по словам М. Ле Пен [Ле Пен, 2016: 25, 140]. На этих выборах победил Э. Макрон, следовавший

¹ «Les Républicains» – «Республиканцы».

принципу «ни правые, ни левые», бывший ротшильдовский банкир и бывший член комиссии Ж. Аттали (одного из архитекторов глобализации, адептов «мирового правительства», первого главы «Европейского банка реконструкции и развития»); внесистемный кандидат, создавший всего за год до президентских выборов политическое движение «Вперед!»².

Есть все основания полагать, что состоялась впечатляющая победа имиджа (Э. Макрона) над программой и обусловлена она как минимум двумя факторами. *Первый* – поразительное внешнее сходство с Э. Макроном с Наполеоном. В видеокадрах промелькнула реплика Б. Макрон, супруги президента, которая отметила, что у него все тот же «орлиный взгляд», что и в юности, на сцене школьного театра. А орлиный взгляд, как известно, – главный внешний атрибут имиджа того, кто вошел в историю как «мятежной вольности наследник и убийца» (А.С. Пушкин). Поскольку «средний аполитичный француз, конечно, ностальгирует по Наполеону»³, он искал в кандидате Э. Макроне не столько его программу, сколько Наполеона, «сильного, смелого, хитрого, умного». *Второй* фактор также относится к личности президента. Представляя французскому народу новоизбранного президента в день инаугурации, председатель Конституционного совета Франции Л. Фабиус сказал, обращаясь к нему: «Вы – человек нашего времени, и Вы им являетесь, несомненно, благодаря Вашему выбору, вашему образованию, вашему жизненному пути и вашему социальному положению»⁴. Социальное положение господина Макрона – это, несомненно, его брак с любимой женщиной, которая старше его более чем на 20 лет. Французское общество, глубоко эгалитаристское по духу и наполовину состоящее из женщин, не способных понять своим ясным картезианским умом, почему для мужчин и женщин в семейной жизни существуют разные возрастные стереотипы, увидело в этом выборе Э. Макрона бомбу, взорвавшую остаточные представления о женщинах бальзаковского возраста (героинях «Шагренево́й кожи», например), обреченных, в отличие от мужчин, на одиночество и забвение с появлением признаков старения.

Что касается предвыборной программы Э. Макрона, она не могла не показаться скучной многим избирателям, ибо шестьдесят миллиардов евро сэкономленных средств национального бюджета перекрывались в ней пятьюдесятью миллиардами евро социальных выплат из того же бюджета. Эта сухая и осторожная бухгалтерия не шла ни в какое сравнение с фантастической удалой программой другого кандидата, социалиста Б. Амона, который предлагал принять новый Трудовой кодекс, ибо действующий был создан «исключительно для людей, которые счастливы гнуть спины по утрам», а также предлагал выплачивать каждому совершеннолетнему француз «универсальный доход» в размере 750 евро ежемесячно (трансформировав его впоследствии в «универсальный доход существования» для всех лиц трудоспособного возраста, зарабатывающих меньше 1,9 SMIC/MROT), – в частности, за счет обложения подоходным налогом машин и роботов [Любимова, 2018: 34–35]!

На первый взгляд, это осмысление труда как явления факультативного и даже избыточного в общественной жизни противоречит марксистским принципам, не чуждым Французской коммунистической партии – первоначально СФИО, которая родилась в лоне коммунистических идей, в 1920 г. высказалась за присоединение к Коммунистическому Интернационалу и пережила раскол по линии реформаторство/революционность, дав жизнь Французской коммунистической партии. А как известно, вульгарной интерпретацией коммунистического credo, на котором воспитано несколько советских поколений, является принцип: «Кто не работает, тот не ест». Он есть не что иное, как редукционизм классического описания коммунизма из «Критики Готской программы»: «На высшей

²Ныне политическая партия «Республика, вперед!».

³Серветтаз Е. Ответы на вопросы // Эхо Москвы. 2017. 5 мая. URL: <https://echo.msk.ru/programs/bezkupur/1975594-echo/> (дата обращения: 5.04.2019).

⁴L'étonnante déclaration de L. Fabius à E. Macron. 2017. 15 mai. URL: <https://www.lesechos.fr/2017/05/le-tonnante-declaration-de-laurent-fabius-a-emmanuel-macron-168028> (дата обращения: 10.01.2019).

стадии коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда источники общественного богатства пользуются полным потоком...» [Маркс, 1961: 20]. Однако у К. Маркса и Ф. Энгельса встречается и иное понимание характера и предназначения труда, на фоне которого беспрецедентный характер предвыборной программы французских социалистов не выглядит такой уж сенсацией: «Современное государство, господство буржуазии, основано на свободе труда... Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» [Маркс, Энгельс, 1955б: 192]. По Марксу и Энгельсу, отмена труда должна быть увязана и синхронизирована с отменой частной собственности: «Сам Маркс представлял уничтожение, точнее преодоление, частной собственности только вместе с устранением труда как вида человеческой деятельности» [Красильщиков, 2018: 7]. Такая разноречивость концептуальных подходов в рамках одной доктрины увязана с марксистским представлением об уничтожении труда по мере развития машинного производства, при котором рабочее время, необходимое для производства средств существования работника, будет постепенно сокращаться за счет нарастающей автоматизации процессов производства. Поскольку технические параметры поступательной автоматизации производства (вплоть до рождения машин третьего поколения, создания «информационно-коммуникационной среды, где самостоятельно... действуют алгоритмические машины, как-то программы, сервисы, платформы» [Ларина, 2017: 91]) не вытекают из логики философских концепций и не предсказуемы в когнитивной парадигме общественных наук, полной ясности и однозначности в отношении уничтожения труда в марксизме еще быть не могло.

Предвыборная программа французских социалистов, представленная Б. Амоном, вытекала из этого противоречивого понимания роли труда в жизни общества, из идеи республиканского равенства и картезианских представлений (в духе основоположника европейского рационализма Р. Декарта, по-латински – Картезиуса) о четких и подвластных разуму соответствиях между сущностями (подходный налог с каждого работающего робота, как с обычного работника), но не вдохновила широкие слои избирателей (6,34% поддержки на выборах). Руководствуясь, очевидно, первой из восьми заповедей французского политтехнолога Ж. Сегела («голосуют за человека, а не за партию»), французы проголосовали в 2017 г. за Э. Макрона, «президента богатых», однако дальнейшее течение событий продемонстрировало, как очередная «бронзовая статуя Наполеона низвергается с высоты Вандомской колонны» [Маркс, 1960: 375].

Движение «желтых жилетов» – этот стихийный социальный протест во Франции, начавшийся в октябре 2018 г. и длящийся по сей день – уникальный по длительности феномен французской Пятой республики. Протесты последовали за появившимися исключительно в сетях призывами выйти на демонстрации против повышения налогов на топливо и стали зеркалом массового недовольства французов снижением покупательной способности. Постепенно движение «желтых жилетов», не имеющее других лидеров, кроме сетевых администраторов, вышло за рамки ценового «мелкотемья» и переросло в радикальные политические требования анархистского толка: «свергнуть элиту», отправить в отставку президента Э. Макрона, создать Генеральные Штаты⁵ налогообложения, перейти к «соблазнительной модели прямой демократии» («Либерасьон»), то есть принимать законодательные решения через «референдумы гражданской инициативы», минуя парламент. Движение, устраивающее в основном блокирование дорог, сопровождается массовыми актами насилия и насчитывает сотни тысяч раненых и несколько погибших со стороны протестующих и полиции.

⁵ Высшее сословно-представительское учреждение во Франции до Великой Французской революции.

Действия «желтых жилетов» относятся к тем же пароксизмам социального протеста современной Франции, что и октябрьские события 2005 г., начавшиеся в Клиши-су-Буа на почве социального отчаяния молодежи и потрясшие страну сожжением тысяч машин, сотен объектов социального назначения, погромами в школах, разграблением магазинов и офисов; а также битва против пенсионной реформы осени 2010 г., которая приобрела размах тотальной войны против неолиберализма (французские интеллектуалы припомнили тогда даже М. Робеспьера, его знаменитое воззвание с трибуны Конвента в 1792 г.) [Любимова, 2011: 56].

Сегодняшнее протестное движение заставляет французов вспоминать не столько М. Робеспьера, сколько К. Маркса.

Воспоминания имеют свою предысторию. 22 марта 2007 г. во Франции выходит в свет «зажигательная книга» «Восстание, которое придет», подготовленная к печати неким «невидимым комитетом»: рядом своих особенностей (пророческим и непрекращаемым тоном) она напоминает «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Эксперты установили связь книги с очагами ультралевых сил во Франции и приписали ее авторство некоему Ж. Купа. За ним устанавливается наблюдение; с 2008 г. он подозревается полицией в создании «невидимой ячейки», которой инкриминируются диверсии на путях следования скоростных поездов TGV; 11 ноября 2008 г. Ж. Купа был задержан вместе с другими членами группировки «автономного ультралевого анархического течения».

Ультралевое движение, «протестная активность которого идет дальше риторики», настолько обеспокоило министра внутренних дел Франции, что было принято решение о системном реформировании спецслужб. Поскольку в компетенцию DST (Управление территориального надзора, бывшая французская спецслужба) не входил надзор за гражданами с протестными настроениями, то было создано DCRI (Центральное управление внутренней разведки) с правом «участвовать также в наблюдении за личностями, группами, организациями и заниматься анализом общественных явлений, способных своим радикальным характером, устремлениями и методами борьбы нанести ущерб национальной безопасности» [Dasquié, 2008].

Настороженность французской власти вызвали не столько диверсионные действия ячейки, сколько «ядерная сила» массового гипноза, идущая от книги. Что касается диверсионных действий, Пятая республика их повидала немало: бунтари 1968 г. разрушали буржуазное общество как таковое («telle quelle») – его магазины и витрины, все эти «фиалки по средам» и «розы в кредит» массового потребления, взращенные на излете великих иллюзий Сопротивления; разрушали и язык, функционирующий в тексте «капиталистического общества», демонтаж которого должен был стать наиболее эффективным способом демонтажа буржуазной системы. Книга же «Восстание, которое придет», написанная через сорок лет после майских событий 68 года, – это не просто диверсионные действия, это ультралевая атака на сетевое общество с использованием гомогенных сетецентрических методов. Среди этих методов, относящихся к арсеналу сетевых и сетецентрических войн [Дугин, 2008]: самосинхронизация («блокировать экономику, но соизмерять нашу способность блокирования с уровнем самоорганизации»); демассификация, то есть отказ от войн эпохи модерна, где все решало количество боевых единиц («быть вооруженным, но все делать для того, чтобы оружие было излишним»); сжатые операции, то есть те, в которых преодолеваются структурные разграничения между различными службами («ничего не ожидать от организаций, не доверять всем существующим структурам, объединяться в коммуны»); неформальное проникновение, использование энтропии.

Родство ультралевого проекта Ж. Купа с протестной активностью «желтых жилетов» намечается по такому признаку, как отсутствие лидера, но если у Ж. Купа во всем виновата не буржуазная экономика, а экономика вообще (ибо любая экономика вызывает кризис), то протесты «желтых жилетов», генетически связанные с повышением налога на топливо и ростом цен на бензин, – это протесты рабочего класса/люда против косвенной

неоэксплуатации в рамках неолиберализма. А неоэксплуатация вычисляется по старым формулам марксизма.

Отталкиваясь от марксистской формулы прибавочной стоимости в условиях классического (домонополистического) капитализма, доработанной для постиндустриальной эпохи, в частности, в исследовании В.А. Лисичкина и Л.А. Шелепина [Лисичкин, Шелепин, 2000: 12, 16], дополним ее новыми составляющими. Прибавочная стоимость в рыночной экономике большинства современных стран Запада может быть представлена следующей формулой:

$$S = C + (V + V^1) + M + M^1 + M^2,$$

где S – стоимость произведенного рабочей силой совокупного продукта; C – постоянный капитал, то есть основной капитал (стоимость зданий и оборудования) и вспомогательный капитал (стоимость сырья и топлива); V – стоимость рабочей силы работника-иммигранта, работающего на прекарных условиях (*le travail précaire*); V^1 – дополнительная стоимость рабочей силы (сверх минимальной по МРОТ/SMIC) на основе контракта с высокой степенью социальной защиты (для лиц с многолетним гражданством в стране); M – прибавочная стоимость, создаваемая неоплаченным трудом наемных рабочих и присваиваемая предпринимателем (для работающих в частном секторе); M^1 – прибавочная стоимость, присваиваемая государством в виде поступлений от налогообложения, превышающих утвержденные бюджетные расходы (для работающих в частном секторе и бюджетников/госслужащих); M^2 – прибавочная стоимость, присваиваемая банками в виде процентов.

Протестные действия «желтых жилетов» были спровоцированы прежде всего новой составляющей формулы – M^1 , эмбриональной в эпоху Маркса, характерной для постиндустриальной стадии ГМК: вводя новые налоги на топливо, французское правительство обещало финансировать программы экологической трансформации, но французские налогоплательщики усомнились в том, что «зеленый налог послужит экологии, а не латанию бюджетных дыр». Первый секретарь Социалистической партии Франции О. Фор заявил: «Правительство залезло в карман к французам не из добрых соображений, а потому, что оно старается компенсировать бюджетные подарочки, сделанные в других местах»⁶. Эти «места» обозначены в проекте бюджета на 2019 г., представленном Национальным собранием Франции, из которого следует, что из 37,7 млрд евро, планируемых за счет налога на топливо (TICPE), 17 млрд должны быть направлены на общие расходы, 7,25 млрд – на экологические программы, 5,9 млрд на развитие департаментов. 5,9 млрд – на развитие регионов, 1,2 млрд предназначались для Агентства финансирования транспортной инфраструктуры. Именно непрозрачность всех этих макроэкономических исчислений, которая подвергает испытанию отношения доверия между властной элитой и рядовыми налогоплательщиками в эпоху неолиберализма, и является латентной формой эксплуатации, выраженной избыточной прибавочной стоимостью M^1 .

В современных российских условиях эта постмарксистская формула может приобретать еще более сложный вид:

$$S = C + (c) + (V + v) + (M + M^1 + M^2),$$

где избыточная прибавочная стоимость c – это тот постоянный капитал, который являлся общенародной собственностью в советскую эпоху, но в 1990-е гг. был присвоен неокапитализмом (олигархией) за счет приватизации земли, ее недр, средств производства, объектов инфраструктуры и т.д. Причем в новых российских условиях наблюдается тенденция к уравниванию C и c за счет отказа многих новых владельцев собственности от программ модернизации и реновации.

Стоявший у истоков рыночных реформ в России проповедник глобализма Дж. Сорос утверждал, что российские олигархи в обмен на поддержку Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. получили пакеты акций крупнейших российских государственных

⁶ Journal du Dimanche. 2018. 1 novembre.

компаний и поделили их между собой [Сорос, 2001: 318]. Западные страны, в большинстве которых уровень сверхценных природных ресурсов на душу населения крайне низок, воспользовались уникальной возможностью поддержать свою экономику за счет приватизации природных ресурсов России: за счет продажи акций гигантов советской промышленности субъектам западных стран, «утечки» капитала новых российских олигархов на Запад и многочисленных латентных экономических технологий глобального мира. Распад СССР и тяжелые условия экономического выживания бывших советских республик, в которых прошел процесс приватизации и либеральных реформ, помог странам Запада избежать повторения Великой депрессии 1930-х гг. в США, которая, по мнению ряда экономистов, была бы неизбежна при отказе западных государств от неокOLONиальной политики, проводимой по разным сценариям. Экономика западных стран без финансовой «накачки» из бывших советских республик при равном действии закона стоимости для всех международных субъектов явилась бы неконкурентноспособной с такими последствиями, как безработица и нищета. Ваучерная приватизация была проведена в России не в интересах большинства ее граждан: без ее реализации прямые поступления в национальный бюджет от продажи по мировым ценам общенародных ресурсов позволили бы поддерживать разнообразные социальные программы, фонды социального распределения и т.д.; упали бы цены, так как в структуре себестоимости продукции, произведенной на внутреннем рынке, сократились бы расходы на топливо, энергию, на приобретение оборудования. Поэтому составляющую с можно считать новой, постперестроечной, национально-специфической формой эксплуатации труда в России.

M^1 – прибавочная стоимость государственно-монополистического капитализма, которая в условиях коррумпированной экономики может достигать больших величин. Под маской M^1 могут скрываться незаконные операции, получившие на русском языке образное название – «распил».

Таким образом, формула прибавочной стоимости для современных российских условий включает дополнительно как минимум четыре составляющие эксплуатации труда. С этим частично связано невиданное расслоение российского общества. Как показали исследования ведущих экономистов, по уровню неравенства распределения богатства (коэффициент Джинни) Россия опережает любую другую крупную страну⁷. То есть за исторически сверхкороткий срок Россия превратилась из мирового лидера по равенству распределения доходов между своими согражданами в мирового лидера по неравенству, по разрыву между богатыми и бедными.

В целом в XXI в., не менее бурном и противоречивом, чем два предшествовавшие, с его «желтыми» жилетами и оранжевыми революциями, достигающими порой красной отметки социальной напряженности, «Маркс остается крупнейшей фигурой современной мировой социологии» [Романовский, 2018: 74], помогающей «зашоренному» общественному сознанию выпутываться из новых сплетений неравенства, угнетения, эксплуатации. Н.В. Романовский упоминает о трех актуальных задачах, поставленных перед марксизмом современными его теоретиками (М. Буравой, Э. Олин Райт): 1) разработка освободительной теории, 2) осмысление исторического опыта реализации на практике идей Маркса, 3) построение «реальных утопий», то есть новых, обоснованных новейшими научными данными, моделей коммунистического общества [там же: 82]. Наметим пунктиром две последние линии этой триады.

I. Завершившийся крахом исторический опыт построения социализма/коммунизма в Советском Союзе изучен во всей взаимообусловленности внешних и внутренних причин, во всей диалектике межпредметной каузальности многими российскими и зарубежными исследователями, в частности, известным русским философом А.А. Зиновьевым

⁷Гуриев С., Цывинский О. Ratio economica: Первая среди равных // Ведомости. 2012. 6 ноября. № 3224.

[Зиновьев, 2005]. Мы отметим лишь несколько моментов этого события мирового масштаба, которые находятся в прямой корреляции с теорией марксизма.

1. Как известно, в фундаменте теории марксизма заложена идея о коммунизме как об обществе изобилия, в котором «источники общественного богатства пользуются полным потоком». Просчет теоретиков марксизма состоял в том, что никакое общество изобилия невозможно в условиях пределов роста, с которыми сталкивается современная цивилизация – с физическими пределами роста, например: то есть пределами способности планетарных источников предоставлять человечеству потоки сырья и энергии, а стоков – поглощать загрязнения и отходы [Цыганов, Шульц, 2014: 5]. Современный этап развития мировой цивилизации характеризуется критическим обострением противоречий между всеми звеньями ноосферы – «человек–общество–природа» [Шульц, Цыганов, 2008: 57]. Запад переживает техногенную фазу постиндустриализма – безудержного поглощения природных ресурсов, техногенного изматывания человечества и биосферы. Глобальные проблемы обостряются интенсивным промышленным развитием Китая, России, Индии, Бразилии и др. Человеческая активность необратимо меняет природную среду, в которой существует человек; тонкий слой воды и земли – биосфера не выдерживает такого давления. С деградацией биосферы усиливается и социальная нестабильность. Для социальной стабильности необходимо уменьшить человеческое воздействие на природную среду, необходимо регулирование потребления природных ресурсов, прежде всего западными странами. Модель «рога изобилия» становится все более и более неуместной и несостоятельной. Сегодня речь должна идти о жестком регулировании потребления природных ресурсов на базе новой, ответственной, интеллектуальной системы международных отношений, включающей справедливые принципы общественного распределения, которое неизбежно будет носить лимитационный характер.

2. Тесно взаимосвязан с первым и второй момент. «Сама марксистская идея изобилия, принцип “по потребности”, всеобщее и всестороннее взаимодействие и т.п. несли в себе зародыш гибели коммунизма в условиях послевоенного процветания Запада. На Западе правильно угадали, что русских (советских) людей можно победить путем великого соблазна... Как только советские люди увидели реализацию марксистской идеи на Западе, они перестали быть оплотом коммунизма. К благам, какие им принес коммунизм, они привыкли и считали чем-то само собой разумеющимся, данным от природы. Они захотели присоединить к ним блага, какие увидели на Западе» [Зиновьев, 2005: 54].

Системообразующее противоречие двух общественно-экономических формаций заключается в том, экономика социализма нацелена на реализацию проекта «каждому по потребностям» и, соответственно, на рациональное использование человеческих ресурсов, сырья и т.п., а экономика капитализма (особенно «на пути к сверхобществу») ориентирована на выживание в условиях возрастающей конкуренции за счет извлечения мегаприбыли и сверхпотребления (эти реалии современности глубоко изучены неомарксистами, в частности, Г. Маркузе в книге «Одномерный человек»). Советские люди в послевоенный период были заморожены товарами, которые могла создать только потогонная система капитализма. «При этом они не понимали, что ... эти блага достаются не всем, а лишь избранным» [там же: 54]. Та же мысль образно звучит в признании мэтра французского структурализма Р. Барта, которое он сделал после поездки в Советский Союз: «Неописуемой признательностью девушки-экскурсовода из Интуриста к врачу из Пасси, подарившему ей нейлоновые чулки, фактически обозначается экономическая отсталость коммунистического режима и завидное процветание западной демократии... Уловка состоит в том, что роскошь привилегированных классов и уровень жизни простого народа толкуются как сравнимые величины; непревзойденный “шик” парижских туалетов записывается на счет всей Франции в целом, как будто бы все французенки одеваются у Диора или Балансьяги...» [Барт, 2008: 201].

Таким образом, в годы «холодной войны», этой эпохи противоборства двух общественно-политических систем, предметы потребления выступали в роли информационных

носителей. Эти материальные носители информации способны были генерировать в воображении реципиента желанный для него идеальный мир. «Вещи шли впереди, выполняя несвойственные им функции носителей информации. Опираясь на них, собственное воображение реципиента моделировало уже совсем иной мир... Если государственная система могла возражать "вражеским голосам" на том же вербальном уровне, что было эквивалентным диалогом, то на уровне товара ответом мог быть только аналогичный товар, а его как раз и не было» [Почепцов, 2000: 141].

Эта сторона эскалации товаров и завоевания ими умов предугадана авторами «Манифеста коммунистической партии»: «Дешевые цены ее (буржуазии) товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам» [Маркс, Энгельс, 1955а; 428]. Однако не была достаточно обоснована невозможность построения коммунизма в отдельно взятой стране, хотя эта издержка теории относится уже к развитию марксистских идей в ленинском учении. Невозможность эта обусловлена тем (есть и другие причины), что социализм не выдерживает войны со своим противником по линии эксклюзивности товаров, не выигрывает в товарной элитарности; его принцип – товарный эгалитаризм, который на определенной стадии достижения обществом стабильности начинает не устраивать не только элиту, но и широкие слои населения. Между тем в социально гомогенном глобальном пространстве (в условиях всемирного социализма) не сложилось бы условий для соперничества двух разных экономических подходов, не возникло бы стремления во что бы то ни стало обменять «серп и молот» на потребительские наслаждения «*dolce vita*». Идея о возможности построения коммунизма в отдельной стране относится к открытиям ленинизма. А «то, что известно как ленинизм, было фактически приспособлением марксизма к советским условиям», упрощением марксизма с расчетом на многомиллионные массы, вульгаризацией марксизма [Зиновьев, 2005: 467]. Поэтому крах ленинизма еще не означает крах коммунизма.

II. По этой логике не исключена возможность построения коммунистического общества на основе иной модели – марксистско-неленинской. В условиях «запаздывания мировой революции» возможно было бы системно проанализировать линии диссонанса двух общественных формаций, и в отношении тех социально-политических реалий, где капитализм еще имеет преимущество (гипнотические образы консьюмеризма и др.), выработать для социалистического общества равноценные и достойные аналоги и эквиваленты, а не «симулякры», которые уже были испытаны советским обществом. Эта выработка должна идти в русле плановой экономики и государственного регулирования.

Именно этот тип экономики пользовался на Западе высочайшим авторитетом в течение «тридцати славных лет» послевоенного развития; не дискредитирован он и сейчас.

В 1990-е гг. Запад навязывал России неолиберальный курс развития, сами же ведущие политики западных стран нередко выступали за управляемую экономику, за социалистический путь развития, за социальное государство [Любимова, 2019: 10–16]. Об этом свидетельствуют, например, воспоминания бывшего президента Франции В. Жискара д'Эстена – тем более доказательно ценные, что он представляет правое крыло французской политики: «Те, кто подобно мне получал экономическое образование в конце 1940-х годов в стенах Национальной школы администрации, готовящей кадры для управления страной, помнят, какое значительное место в учебных программах отводилось планированию, организованному по советской модели, считавшейся тогда образцовой, технологиям управляемой экономики, таким как административный ценовой контроль, двустороннее управление внешнеторговыми квотами. Помню я и русское слово "пятилетка", сладко звучавшее в устах наших профессоров! О том же, что у рынка существуют индикаторы, представляющие информацию о его состоянии, они не упоминали... Либеральная мысль тогда не участвовала в политических дебатах... Царствовала теория планирования...» [Жискара д'Эстен, 2009: 94–95].

Аналогичное отношение к «рынку» и к курсу неолиберальных реформ становится все более распространенным на Западе. «Рынок сам по себе не означает появления новых автономных предприятий; он означает коррупцию, спекуляцию, преступления, – пишет американская исследовательница М. Калдор. – Неолиберальный курс, осуществлявшийся в 1980–1990-х годах (макроэкономическая стабилизация, дерегулирование и приватизация), фактически представлял собой ускорение процесса глобализации. Этот курс увеличил численность безработных, повысил уровень истощения ресурсов и неравенства доходов, привел к ускоренной урбанизации... Эти изменения, в свою очередь, подготовили среду для растущей криминализации и создания коррупционных сетей» [Калдор, 2015: 180–181].

Никогда еще в истории человечества стихийность, хаос, энтропия не имели преимуществ перед сознательным развитием; в этой концептуальной парадигме плановая экономика просто обязана представлять собой шаг вперед в сравнении с рыночной (неокапиталистической, неолиберальной) – хотя бы в отношении сохранения ноосферы планеты и научного планирования потребления, если вернуться к затронутым в статье вопросам. Проблема заключается только в том, чтобы это планирование не носило волюнтаристский характер директив партийных чиновников, а опиралось на революционные перемены в информационной сфере, которые произошли одновременно с переходом к алгоритмическому обществу, с появлением платформ: «Платформа – это программно-аппаратная среда алгоритмического поиска, осуществления и контроля за исполнением сделок (других взаимодействий) на основе интеллектуального анализа больших данных» [Ларина, 2017: 92]. Таким образом, в качестве построения «реальной утопии» можно предложить формулу: коммунизм есть марксизм плюс компьютеризация (алгоритмизация) всей страны.

В целом учение К. Маркса не стало пока явлением из разряда «археологии гуманитарных наук» (М. Фуко); оно остается мощным индикатором состояния современного сверхобщества в условиях ускорения социальных перемен. Вместе с тем оно по-прежнему вооружает целым арсеналом средств полемики, риторики, образности, убеждения. Так, «Жаком-простаком» («Jacques le bonhomme»), постоянно мелькающим в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса [Маркс, Энгельс, 1956: 223–234], сегодня можно было бы назвать президента Франции Э. Макрона, во-первых, потому, что обобщенным именем «Жаков-простаков» часто именуют французских крестьян, поднявших восстание Жакерия (президент Франции своей политикой инициировал восстание «желтых жилетов»), а во-вторых, потому что «Жак-простака» размышляет порой с народной сметливостью, как и президент Франции, который, выступая против выхода России из Совета Европы, сказал, что Россия должна платить взносы, но при этом не действовать в качестве активного члена⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р. Мифологии. М.: Академ. проект, 2008.
- Дугин А.Г. Сетевые войны // Информационные войны. 2008. № 1. С. 10–16.
- Жискар д'Эстен В. Французы. Размышления о судьбе народа. М.: Ладомир, 2009.
- Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2005.
- Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Ин-т Гайдара, 2015.
- Красильщиков В.А. Карл Маркс: двести лет молодости? // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 3–14.
- Ларина Е.С. Введение в алгоритмические общества. Суперинтеллекты и зомби // Информационные войны. 2017. № 4. С. 30–103.
- Ле Пен М. Во имя Франции. М.: Кучково поле, 2016.

⁸Макрон: Мы хотим избежать полного выхода РФ из Совета Европы. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/594364.html> (дата обращения: 18.06.2019).

- Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: ИСПИ АСН, 2000.
- Любимова Т.М. Информационные технологии выборных кампаний // Информационные войны. 2018. № 1. С. 33–37.
- Любимова Т.М. Противостояние России и Запада: русофобия или информационное моделирование в условиях геополитического коллапса? // Информационные войны. 2019. № 1. С. 10–16.
- Любимова Т.М. Ультралевый анархизм во Франции в условиях сетецентризма // Национальная безопасность. 2011. № 6. С. 56–64.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957.
- Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961.
- Маркс К. Предисловие ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960.
- Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 47. М.: Госполитиздат, 1973.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955а.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955б.
- Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.
- Романовский Н.В. Маркс остается крупнейшей фигурой современной мировой социологии // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 79–90.
- Сорос Дж. Открытое общество: Реформируя глобальный капитализм. М.: Некоммерч. фонд «Поддержка культуры, образования и новых информ. технологий», 2001.
- Цыганов В.В., Шульц В.Л. Социология общественной безопасности. М.: Наука, 2014.
- Шульц В.Л., Цыганов В.В. Антиолигархические информационные войны // Информационные войны. 2008. № 3. С. 57–77.
- Энгельс Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961.
- Dasquié G. Le terrorisme d'ultra-gauche, idée fixe d'Alliot-Marie // Libération. 2008. 24 novembre.
- Tous dans la rue. Le mouvement social de l'automne 2010. Paris: Seuil, 2011.

Статья поступила: 15.07.19. Принята к публикации: 12.08.19.

CLASS WARFARE IN FRANCE: NEO-MARXIST INTERPRETATION OF SOCIAL PROTESTS

SCHULZ V.L.*, LIUBIMOVA T.M.*

*Lomonosov Moscow State University, Russia

Vladimir L. SCHULZ, Dr. Sci. (Philos.), Correspondent Member, Russian Academy of Sciences; Department Head, Lomonosov State University (cona01@yandex.ru); Tatiana M. LIUBIMOVA, Dr. Sci. (Philos.), Cand. Sci. (Philol.) (t.liubimova@yandex.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The article raises the question of how applicable the findings of the Marxist doctrine might be in analyzing modern-day social events, including the yellow vests protest movement in France; compares the presidential campaigns of Emmanuel Macron and the Socialist Party during the 2017 French presidential election; discloses the optional and superfluous nature of labor in public life as well as other unprecedented ideas in the campaign of the Socialist Party; the win of E. Macron at the presidential election is considered as a win of public image over election program; the present French protests are compared to the events of May 1968 and the autonomous far-left anarchist movement of 2008; the Marxist formula of surplus value is adjusted for the post-industrial era; new ideas are outlined in the interpretation of historical records of implementing the ideas of K. Marx in practice; reasons are provided for a possible new «communist utopia» based on planned economy and using the benefits of the algorithmic society.

Keywords: marxism, surplus value, social protest, algorithmic society, market economy, planned economy, neoliberalism, noosphere, limits to growth, consumer society, affluent society.

REFERENCES

- Barthes R. (2008) *Mythologies*. Moscow: Academ. proekt. (In Russ.)
- Dasquié G. (2008) Le terrorisme d'ultragauche, idée fixe d'Alliot-Marie. *Libération*. 24 novembre. (In Fr.)
- Dugin A.G. (2008) Net-centric Wars. *Informatsionnye voyny* [Information Wars]. No. 1: 10–16. (In Russ.)
- Engels F. (1961) Preface to the Third German Edition of 'The Eighteenth Brumaire of Louis Napoleon' by K. Marx. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 21. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Giscard d'Estaing V. (2009) *Les Français: Réflexions sur le destin d'un peuple*. [Reflections on the Fate of People]. Moscow: Ladomir. (In Russ.)
- Kaldor M. (2015) *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Krasilshchikov V.A. (2018) Karl Marx: 200 Years of Youth? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 3–14. (In Russ.)
- Larina E.S. (2017) Introduction to Algorithmic Societies. Superintelligences and Their Zombies. *Informatsionnye voyny* [Information Wars]. No. 4: 90–103. (In Russ.)
- Le Pen M. (2016) *Pour que vive la France* [For the Love of France]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Lisichkin V.A., Shelepin L.A. (2000) *Third World (Info-psychological) War*. Moscow: ISPI ASN. (In Russ.)
- Lyubimova T.M. (2011) The Ultra-leftist Anarchism in France in the Conditions of Net-centrism. *Natsionalnaya bezopasnost* [National Security]. No. 6: 55–64. (In Russ.)
- Lyubimova T.M. (2018) Information Technology in Election Campaigns. *Informatsionnye voyny* [Information Wars]. No. 1: 33–37. (In Russ.)
- Lyubimova T.M. (2019) Confrontation of Russia and the West: Russophobia or Information Modeling in the Conditions of Geopolitical Collapse? *Informatsionnye voyny* [Information Wars]. No. 1: 10–16. (In Russ.)
- Marx K. (1961) Critique of the Gotha Program. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Marx K. (1973) Economic Manuscript of 1861–1863. The Process of Production of Capital. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 47. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Marx K. (1960) Preface to the Second Edition of 'The Eighteenth Brumaire of Louis Napoleon'. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 16. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Marx K. (1957) The Eighteenth Brumaire of Louis Napoleon. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955) The Communist Manifesto. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1956) The German Ideology. P. 1. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Potchepstov G. G. (2000) *Information Wars*. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler. (In Russ.)
- Romanovski N.V. (2018) Marx Remains a Greatest Figure in Contemporary Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 74–83. (In Russ.)
- Schultz V.L., Tsyganov V.V. (2008) Anti-oligarch Information Wars. *Informatsionnye voyny* [Information Wars]. No. 3: 57–77. (In Russ.)
- Soros G. (2001) *Open Society: Reforming Global Capitalism*. Moscow: Nekommerch. fond «Podderzhka kultury, obrazovaniya i novykh inform. tekhnologiy». (In Russ.)
- Tous dans la rue. *Le mouvement social de l'automne 2010*. (2011) Paris: Seuil. (In Fr.)
- Tsyganov V.V., Schultz V.L. (2014) *The Sociology of Social Security*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Zinoviev A.A. (2005) *The Russian Tragedy*. Moscow: Algoritm. (In Russ.)

Received: 15.07.19. Accepted: 12.08.19.